

УДК 94(47):34
ББК 63.3(2)
Р82

Рууд, Чарльз.

Р82 Тайная полиция в России: от Ивана Грозного до Николая Второго / Чарльз Рууд, Сергей Степанов. — Москва : Родина, 2023. — 384 с.

ISBN 978-5-00180-830-5

Секретная полиция появилась в Российской империи в декабре 1882 года. Когда было утверждено Положение «Об устройстве секретной полиции в Империи». Документом предусматривалось создание специальных Охранных отделений в крупных городах России, которые занимались политическим сыском. Но еще в декабре 1564 года Иван Грозный объявил о создании опричнины, которая считается первым органом политического сыска в России.

Совместная работа профессора истории Ч. Рууда (Канада) и доктора исторических наук С. Степанова охватывает широкие хронологические рамки: от опричнины Ивана Грозного до деятельности охранных отделений, служивших двум последним царям. Авторы раскрывают перед читателем специфический мир тайной полиции, профессиональные и личные отношения между ее сотрудниками, организацию политического сыска, тайной агентуры и т. д. Широко используются документы из отечественных и зарубежных архивов.

УДК 94(47):34
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-00180-830-5

© Рууд Ч., 2023
© Степанов С.А., 2023
© ООО «Издательство Родина», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	6
--------------------	---

Раздел I. История, традиции, предшественники

Глава 1. Политический розыск в России XVI – первой четверти XIX в.	12
Глава 2. Третье отделение	43
Глава 3. От Третьего отделения к Департаменту полиции	69

Раздел II. Структура, методы, союзники

Глава 4. Охранка собирает информацию	89
Глава 5. Заграничная агентура	119
Глава 6. Добровольные помощники	144

Раздел III. Двойные агенты и диссиденты

Глава 7. Суперагент Азеф	172
Глава 8. Диссиденты в рядах охраны	198
Глава 9. Богров и убийство Столыпина	218

Раздел IV. В поисках еврейского заговора

Глава 10. Протоколы, масоны, либералы	246
Глава 11. Полиция и погромы	270
Глава 12. Дело Бейлиса, или «Полицейская Цусима»	295

Раздел V. Закат Департамента полиции

Глава 13. Борьба за охранку	325
Глава 14. «Темные силы» вокруг трона	340
Глава 15. Эпилог охраны	364
Заключение	370
Краткий библиографический список	376

ВВЕДЕНИЕ

Фонтанка, 16 — этот адрес был известен каждому петербуржцу. Здесь, на углу набережной Фонтанки и Пантелеймоновской улицы, рядом с Цепным мостом находилось здание, которое на протяжении почти 80 лет занимала русская тайная полиция. С 1838 г., когда на Фонтанке расположилось Третье отделение Собственной его императорского величества канцелярии, о доме у Цепного моста стали складывать легенды. Говорили о страшных подземельях, где содержатся несчастные узники. Рассказывали, что стоило приглашенному сесть в кресло, как оно поворачивалось, пол раздвигался, и несчастный оказывался глубоко внизу в руках жандармов.

Вежливые приглашения на Фонтанку вызывали страх. О доме у Цепного моста ходили следующие вирши:

Глупое созданье,
Рассуждаешь спроста,
Позабыл, брат, здание
У Цепного моста.
Влепят в назидание
Как ударов до ста.
Будешь помнить здание
У Цепного моста.

В 1880 г. после ликвидации Третьего отделения в это здание въехал Департамент полиции, превратившийся в главный штаб борьбы с революцией. Внутри этого дома висели портреты всех начальников Третьего отделения и министров внутренних дел. Один из них — В.К. Плеве — наглухо затворился на Фонтанке, выезжая только раз в неделю на доклад к царю. Его настигла бомба террориста, как только он покинул свое убежище. За надежными стенами дома у Цепного моста скрылся П.А. Столыпин сразу же после кровавого покушения, во время которого пострадала его семья. Дочь Столыпина, не надеясь на охрану, распорядилась перенести кабинет отца на второй этаж — подальше от фанатиков-террористов. Незадолго до этого Боевая организация партии эсеров планировала ворваться в здание на Фонтанке, обложившись динамитом, и взорвать ненавистный Департамент полиции. А воз-

главить отряд смертников должен был человек, аккуратно посылавший агентурные донесения Департаменту полиции.

«Тайная полиция в России: от Ивана Грозного до Николая Второго» — это книга о русской политической полиции. Не претендуя на охват всей многообразной деятельности Департамента полиции, авторы сосредоточились на исследовании проблем политического розыска.

Со времени образования в XVI в. Московского централизованного государства и до крушения самодержавия в 1917 г. тайные рычаги политического сыска всегда служили одним из неперенных орудий власти в России. Мало того, эта система настолько укоренилась, что после Первой мировой войны продолжила свое существование в виде различных органов государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик и других государств, возникших под его эгидой после Второй мировой войны.

Начиная с опричнины Ивана IV и кончая охранкой Николая II, правители России придавали политическому сыску и своим секретным службам форму государственного института. Авторы книги рассматривают последовательное развитие системы и показывают, что охранка, служившая двум последним царям, была прямой наследницей всех своих предшественников.

За три с лишним столетия, о которых здесь идет речь, в политическом розыске отчетливо выделяются несколько этапов. Первый этап относится к тому времени, когда Московия укрепляла централизованную власть, а затем, уже в XVIII в., испытала мощное влияние Запада, особенно в царствование Петра Великого и Екатерины Великой. Таким образом, с самого начала политический сыск в России служил одним из столпов царской власти, а потому роль его не ослабла под воздействием западного влияния и после Петра. Несмотря на периодические, но недолговечные реформы полицейской системы, она разрасталась и охватывала все новые сферы жизни.

Второй этап в истории политического сыска приходится на годы существования Третьего отделения Собственной его императорского величества канцелярии — органа политической полиции, созданного в 1826 г. Николаем I. Третье отделение было призвано подавлять в стране дух свободомыслия, который годом ранее проявился в потерпевшем неудачу восстании декабристов. Причем тайная полиция настолько преуспела в своей борьбе со свободомыслием, что Россию миновала волна революций, потрясших крупнейшие страны Западной Европы в начале 1830-х и в 1848 г. Однако Треть-

ему отделению оказалось не под силу справиться с тщательно законспирированными, готовыми идти на смерть революционерами, которые обратились к террору, после того как в 1860–1870-х годах Александр II провел широкие либеральные реформы: отменил крепостное право, реформировал местную власть, суды и цензуру.

В 1881 г. террористы убили Александра II, и консерваторы в правящих сферах утвердились во мнении, что либерализация неизбежно ведет к революционным волнениям. В это время проводилась реорганизация полиции, имевшая целью, в частности, наладить слежку за подпольщиками с помощью секретных агентов новой «породы». И вот тут начинается третий этап в истории политического сыска: специально для руководства работой этих агентов при Департаменте полиции создаются охранные отделения, или, как их прозвали впоследствии, охранка. В результате сложилась система политического сыска, в ту пору не знавшая себе равных по размаху агентурной сети.

Под охранкой (иногда охраной) было принято подразумевать всю политическую полицию. Возможно, это произошло потому, что слово «охранка» лучше всего характеризовало главную задачу тайной полиции — охранять, защищать государственный строй. Авторы сочли целесообразным употреблять слово «охранка» в традиционном смысле — как синоним тайной полиции, хотя, строго говоря, охранные отделения являлись лишь одним из подразделений политического розыска.

Четвертый, и последний, этап в истории политического сыска в России относится к периоду еще одного поворота к либерализму — попыток ослабить гнет самодержавия путем реформ после революции 1905 г. К тому времени высшие полицейские чины даже в либералах видели предвестников революции — даром что те были объединены в легальные организации и участвовали в работе нового органа законодательной власти. А потому свои основные усилия по борьбе с революционной деятельностью охранка направила на то, чтобы не допустить, как случилось в 1905 г., союза либералов, радикалов и рабочих. Прием она использовала прежний, тот самый, что позволил ей одолеть террористов, — услуги секретных агентов, множества агентов, но оказалась бессильна. В 1917 г. были сметены и охранка, и само самодержавие.

Среди многочисленных методов работы политического розыска в России на первом месте стоит использование сети секретных агентов, которые выявляли врагов государственно-го строя. В свою очередь, политической полиции, следовав-

шей этой методике, были присущи такие характерные черты, как нежелание подчиняться строгим ограничениям, будь то административные или судебные, постепенный переход на услуги внештатных агентов, которые не состояли в прямом подчинении у полицейских чинов; готовность вербовать осведомителей среди представителей любых социальных групп и использовать для этой цели секретные денежные фонды; оправдание и использование лжи и провокаций, например с целью выявления скрытых врагов или компрометирования оппозиции.

В деятельности охраны, которой посвящено данное исследование, эти четыре тенденции проявились особенно ярко. Если говорить лишь о видимой стороне ее структуры и работы, картина будет неполной, отчасти потому, что охранка вела свои дела втайне, а отчасти потому, что она не имела строгой внутренней организации. Так что в книге речь пойдет о том, как работали и вели себя офицеры и агенты охраны, выполняя стоявшие перед ними задачи.

Авторы выделили узловые проблемы и сочли целесообразным сгруппировать главы в пять разделов, посвященных истории политического сыска, его структуре и методам, двойным агентам и диссидентам, полиции и мифу о еврейском заговоре, наконец, последнему периоду существования Департамента полиции.

Материалом для книги послужили как архивные документы, так и публикации. Основное собрание документов по охране — фонды Департамента полиции, Московского охранного отделения, Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, личные фонды — находится в Москве, в Государственном архиве Российской Федерации. Документы пограничной агентуре охраны сосредоточены в Гуверовском институте в Стэнфорде (США, штат Калифорния). Кроме того, один из авторов работал в архивах Киева и Петербурга, другой — в Нью-Йоркской публичной библиотеке и в Йельском университете.

О политическом сыске в России опубликована обширная литература: воспоминания, документы, научные труды. Для всякого исследователя этой системы, несомненно, большую ценность представляют книги бывших руководителей охраны. Выделим среди них основные: работы Меншикова, Спиридовича, Герасимова, Заварзина, Новицкого, Васильева. Интересные книги и документы опубликовали сотрудник Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства С.Г. Сватиков, а также литературовед и историк П.Е. Щеголев.

Богатым источником информации являются журнал В.Л. Бурцева «Былое» и семь томов издания «Падение царского режима», куда вошли записи допросов бывших полицейских чинов следователями Временного правительства.

Деятельность Департамента полиции всегда интересовала современников, но до 1917 г. она была скрыта под завесой тайны, лишь иногда приподнимавшейся благодаря охранникам, перешедшим на сторону оппозиции. Когда архивы оказались открытыми, первыми исследователями стали члены революционных организаций, долгие годы боровшиеся с охранкой. Получив возможность взглянуть на своего противника изнутри, они познакомили широкую публику с работой тайной полиции. Ряд брошюр и статей опубликовали в 1917–1918 гг. сотрудники Комиссии по разработке архивов В.Б. Жилинский, В.Я. Ирецкий, М.А. Осоргин, С.Б. Членов.

Историография 20-х годов была продолжена исследованиями о деятельности провинциальных охранных отделений, «черных кабинетов», отдельных секретных сотрудников. Тогда же Борис Николаевский, находясь в эмиграции, приступил к подготовке книги об Азефе. В 30–60-е годы изучение охранки оказалось под негласным запретом, исключением являлась только история «зубатовщины». В 70–80-х годах были защищены диссертации А.Н. Ярмышем, Л.И. Тютюник, З.И. Перегудовой, Ю.Ф. Овченко. Эти исследования предназначались для специалистов, и в них, особенно в диссертации З.И. Перегудовой, детально разработаны конкретные аспекты деятельности Департамента полиции. Конец 80-х — начало 90-х годов ознаменовались всплеском интереса к данной теме. Публикуются воспоминания жандармов, переиздаются работы 20-х годов, печатаются произведения в жанре исторической беллетристики. Однако до сих пор русский читатель не имеет в своем распоряжении обобщающей книги по истории политического розыска в России.

Что касается зарубежной литературы, то ни одна из работ не исчерпывает предмета исследования, однако есть две серьезные книги англоязычных авторов о Третьем отделении времен Николая I. Первая написана Сиднеем Монасом и называется «Третье отделение: Полиция и общество при Николае I»; она издана в 1961 г. Монас сосредоточил внимание на вмешательстве Третьего отделения в жизнь и творчество русских писателей. Вторая книга, под названием «Третье отделение: организация и приемы политической полиции в России при Николае I», принадлежит Питеру С. Сквайру и вышла в свет в Лондоне в 1968 г.; в ней рассматриваются организаци-

онная структура и тактические приемы Третьего отделения. Диссертация Фредерика С. Закермана посвящена в основном деятельности заграничного отдела охраны, и автор подробно исследует оперативную работу этого отдела. Диссертация защищена в Колумбийском университете в 1973 г. и озаглавлена «Российская политическая полиция на родине и за рубежом; ее структура, функции, методы и борьба с организованной оппозицией». Изданы также многочисленные статьи (большая их часть упомянута в примечаниях и библиографии), которые затрагивают различные аспекты истории политического сыска в России и смежные проблемы.

Несколько слов об авторах. Эта книга — плод пока еще редкого сотрудничества американского и российского историков. Авторы принадлежат к разным научным школам, имеют разный жизненный опыт. Это будет заметно при чтении книги. Тем не менее в ходе совместной работы авторы пришли к общему выводу о том, что история охраны изобилует множеством мифов, некоторые из которых они по мере сил постарались опровергнуть. Поскольку один из авторов живет в Москве, а другой — в Лондоне (Канада), они обговорили темы и написали примерно по половине книги. Так, Степанов написал первую, шестую, седьмую, девятую, одиннадцатую, двенадцатую и четырнадцатую главы; Рууд — третью, четвертую, пятую, восьмую, десятую, тринадцатую. Вторая глава, введение, эпилог (пятнадцатая глава) и заключение были написаны совместно. Разумеется, авторы делились всем имеющимся у них материалом и помогали друг другу в работе.

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ, ТРАДИЦИИ, ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Департамент полиции имел длинный ряд предшественников, которые заложили основы и традиции политического розыска в России. Жестокую эпоху «слова и дела» сменил период «просвещенного абсолютизма», были запрещены пытки и варварские наказания, органы политического розыска несколько раз меняли название: Приказ тайных дел, Преображенский приказ, Тайная канцелярия, Тайная экспедиция. Однако оставались неизменными задачи этих органов, призванных под покровом глубокой тайны обнаруживать и расправляться с врагами царя и государства.

Третье отделение Собственной е.и.в. канцелярии по замыслу его создателей должно было стать «высшей полицией», не имеющей ничего общего с застенками Московского царства. На самом деле в деятельности Третьего отделения, наложившего особый отпечаток на историю XIX в., наблюдалась несомненная преемственная связь с XVII и XVIII вв. Третье отделение прошло длинный путь от апогея могущества до полной несостоятельности, уступив место Департаменту полиции. Несмотря на банкротство, оно оставило своему преемнику ценное наследство: жандармский корпус, архивы и здание на Фонтанке, 16. Таким образом, Департамент полиции начал свою деятельность, опираясь на опыт и знания, накопленные московскими дьяками и петербургскими чиновниками.

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РОЗЫСК В РОССИИ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Политический розыск — это расследование дел, которые, называясь в разные времена «великими», «тайными», «государевыми», рассматривались как преступления против государства. При монархическом строе, когда государство персонифицируется в монархе, в эту категорию автоматически попадает любое посягательство на его безопасность и достоинство. Политический розыск возник одновременно с государством, однако прошло немало времени, прежде чем законодательство и судебная практика выделили его среди общей массы дел. В России это произошло, когда удельные княжества были объединены в единое царство.

Положив конец междоусобным войнам и анархии, централизованное государство покончило также с вольностями эпохи феодальной раздробленности. Резко расширились обязанности населения перед властями; многие из считавшихся прежде обычными поступков попали под строжайший запрет. Свободное перемещение, являвшееся ранее неотъемлемым правом и феодала (переход на службу к другому великому или удельному князю), и крестьянина (переезд к другому владельцу), теперь приравнивалось к измене. Самое невинное замечание о несправедливых порядках оказывалось тягчайшим преступлением. Москва, а потом Санкт-Петербург требовали от своих подданных безусловной лояльности в поступках, словах и даже пытались контролировать мысли. В соответствии с этим расширились функции политического розыска, который стал инструментом надзора, пресечения и наказания.

I

При Иване IV (1533–1584 гг.), первым из великих князей принявшем царский титул, преследование политических противников велось с особой жестокостью. Это даже снискало Ивану IV прозвище Грозный. Политический террор был связан с затянувшейся Ливонской войной. Часть знати не видела смысла в борьбе за неплодородные земли Балтийского побережья и предлагала продолжить завоевания на благодатных южных рубежах. Конфликт привел к тому, что в конце 1564 г. Иван Грозный неожиданно покинул Москву и обосновался в Александровской слободе.

Отсюда Иван Грозный послал две грамоты — Боярской думе и горожанам. Царь извещал бояр о своем решении отказаться от престола из-за их измены, а горожанам сообщал, «чтобы они себе никакого сомнения не держали, гневу на них и опалы некоторые нет». Нетрудно было предугадать исход такого маневра. Возбужденные толпы горожан заставили бояр вступить в переговоры с царем.

Иван Грозный согласился принять власть с условием, что кроме («опричь») обычных владений ему будет выделена особая часть — «опричнина», где он установит порядки по своему разумению.

В опричнину вошел ряд уездов и городов, из которых началось изгнание прежних землевладельцев. В их вотчинах и поместьях селились опричники, подобранные по принципу личной преданности царю. Замыслы Ивана Грозного во многом остаются тайной. В исторической литературе опричнина предстает то в виде хорошо продуманного и поэтапно осущес-

ствленного плана ликвидации пережитков феодальной раздробленности, то в виде длинной цепи бесцельных и нелепых злодейств, приведших к разорению страны и возрождению порядков удельной эпохи. При всем различии мнений исследователи сходятся в том, что для достижения своих, не вполне выясненных целей Иван Грозный создал опричное войско, занятое борьбой с внутренними врагами.

Опричники поражали современников необычным видом. Они приторачивали к седлам коней собачьи головы и метлы в знак того, что, как псы, вынюхивают измену и метлой выметают ее из царства. Два опричника-иностранца И. Таубе и Э. Крузе сравнивали опричное войско Ивана Грозного с монашеским орденом: «Сам он был игуменом, князь Афанасий Вяземский — келарем, Малюта Скуратов — пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокол звонил он сам вместе с обоими сыновьями и пономарем. Рано утром, в 4 часа, должны все братья быть в церкви; все неявившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся — все равно, высокого ли они или низкого состояния, — и приговариваются к 8 дням епитимий». Но под монашескими одеяниями опричники носили кинжалы, а монастырский режим часто сменялся буйными оргиями. Пирыв в Александровской слободе нередко заканчивались убийством знатных бояр.

По словам английского торгового агента и дипломата Джерома Горсея, «эта жестокость породила столь сильную всеобщую ненависть, подавленность, страх и недовольство во всем его (Ивана IV. — *Авт.*) государстве, что возникало много попыток и замыслов сокрушить этого тирана, но ему удавалось раскрыть их заговоры и измены при помощи отъявленных негодяев, которых он жаловал и всячески поощрял, противопоставляя главной знати». Иван Грозный чувствовал себя в состоянии войны со всеми подданными. Были подготовлены корабли на случай бегства царя из России, а с королевой Елизаветой I велись переговоры о предоставлении царю убежища в Англии. Мнительный царь видел заговорщиков повсюду, но особенно среди ближних бояр.

В качестве руководителей политического сыска в опричнине можно назвать Г.Л. Скуратова-Бельского (Малюту) и В.Г. Грязного. Малюта Скуратов происходил из провинциального дворянства, а его помощник Василий Грязной начал службу у одного из знатных людей «мало что не в охотниках с собаками». Но при опричном дворе оба выдвинулись в число первых людей.

Главным средством политического сыска были доносы. Современник опричных событий немец А. Шлихтинг с удивлением отмечал: «Именно москвитам врождено какое-то зложелательство, в силу которого у них вошло в обычаи взаимно обвинять и клеветать друг на друга перед тираном и пылать ненавистью один к другому, так что они убивают себя взаимной клеветой».

Доносы совершенно не проверялись, тем более что опричники сами прибегали к заведомо ложным обвинениям. Так, Малюта Скуратов и Василий Грязной заявили прибывшему в Александровскую слободу двоюродному брату царя Владимиру Старицкому, что его повар сознался в намерении подсыпать яд Ивану Грозному по приказу князя. Владимира Старицкого заставили выпить чашу с отравленным вином. Главу Русской православной церкви митрополита Филиппа, который заступался за невинно осужденных, обвинили в различных пороках, причем свидетелем обвинения выступал бывший ученик митрополита, которому за ложные показания обещали епископский сан. Митрополит был заточен в один из монастырей. Через некоторое время туда прибыл Малюта Скуратов и, выйдя из кельи митрополита, сообщил потрясенным монахам, что Филипп внезапно задохнулся от спертого воздуха. Убийства удельного князя и митрополита сопровождались казнями нескольких сотен представителей знати, каждый из которых в свою очередь сознавался в «измене» и называл имена «сообщников».

Под подозрение попадали целые семьи, роды и, наконец, целые города. Наиболее ярким примером был разгром Новгорода зимой 1570 г. Новгородская летопись утверждает, что некий бродяга Петр подделал грамоту о желании жителей города перейти в подданство к польскому королю. Бродяга спрятал эту грамоту в Софийском соборе и донес о ней Ивану Грозному. Некоторые историки, ссылаясь на архивы, считают, что тайная дипломатия Речи Посполитой намеренно скомпрометировала новгородцев, направив им предложение перейти на польскую сторону. Должностные лица Новгорода поспешили сообщить об этом царю, но лишь разбудили давнее недоверие Ивана Грозного к некогда независимой городской республике.

Так или иначе, но опричное ведомство попало на чужую удочку. Вместо того чтобы вести войну, опричники в течение трех недель занимались розыском в Новгороде. Замученных горожан волокли из опричного лагеря к реке и спускали под лед. Очевидцы утверждали, что в Новгороде погибло до 60 тыс. человек. В русской историографии назывались раз-

личные цифры — от 2–3 тыс. до 10–15 тыс. человек. Во всяком случае, разгром Новгорода был достойным предшественником Варфоломеевской ночи.

Скоро опричники на собственном опыте убедились, как трудно оправдаться от ложных доносов. «Келарь» А.И. Вяземский пользовался таким доверием Ивана Грозного, что царь, опасаясь отравы, только из его рук соглашался принимать лечебные снадобья. Но опричник Г.Д. Ловчиков донес, что Вяземский предупредил новгородцев об опричном походе. Царь тут же распорядился забить палками своего соратника. Такое же подозрение пало на голову одного из инициаторов опричнины, А.Д. Басманова. Его сын Федор, чтобы доказать свою верность, на глазах у царя зарезал отца, но все равно был сослан и погиб. Руководителя опричной думы князя М.Л. Черкасского тайно убили по приказу царя. Василий Грязной попал в опалу. Один лишь Малюта Скуратов, погибший на войне, навсегда остался верным слугой в глазах Ивана Грозного.

В 1572 г. опричнина была упразднена так же неожиданно, как и введена. Под страхом сурового наказания запрещалось употребление самого слова «опричнина». Через три года Иван Грозный вновь реставрировал опричные порядки, но вскоре отказался от них. Опричнина в целом была довольно коротким эпизодом в истории страны, однако печальная память о ней сохранилась надолго. При преемниках Ивана Грозного не существовало ничего похожего на опричное устройство. Для рассмотрения важных дел создавались временные комиссии во главе с боярами. Например, комиссия князя (будущего царя) Василия Шуйского, которая расследовала гибель младшего сына Ивана Грозного, царевича Дмитрия, 15 мая 1591 г. На основе свидетельских показаний комиссия пришла к выводу, что царевич погиб в результате несчастного случая.

Этот вывод вызвал горячие споры и среди современников, и среди потомков. Подозрение пало на самого влиятельного члена Боярской думы — Бориса Годунова. Он был зятем Малюты Скуратова и сделал карьеру еще при опричном дворе. В царствование болезненного и недалекого Федора Иоанновича (1584–1598 гг.) он был подлинным правителем государства. Поскольку у царя Федора Иоанновича не было сыновей, между Борисом Годуновым и тронном стоял только царевич Дмитрий. И действительно, после кончины Федора Иоанновича старая династия прервалась, и царем стал Борис Годунов (1598–1605 гг.).

Но Годунову и его ставленникам не удалось прекратить слухи о таинственном деле в Угличе. В конце своего царство-

вания ему пришлось столкнуться с самозванцем, объявившим себя чудесно спасшимся Дмитрием. После смерти Годунова в 1605 г. Лжедмитрий I вступил в Москву. Князь Василий Шуйский объявил, что он дважды покривил душой во время следствия: покрыл убийц, подосланных Годуновым, и утаил, что они убили подставного мальчика, а не царевича. Впрочем, через 11 месяцев Василий Шуйский организовал заговор против Лжедмитрия I и сам вступил на престол. Теперь он объявил, что Лжедмитрий был беглым монахом Гришкой Отрепьевым; что же касается настоящего царевича, то он был убит посланцами Годунова. В царствование Василия Шуйского (1606–1610 гг.) отрок Дмитрий был причислен к лику святых.

Неудачное следствие в Угличе часто вспоминали в Смутное время, когда один за другим появились несколько Лжедмитриев, на русские земли вступили иностранные войска, а в Московском Кремле засели польские наемники. После длительной борьбы народное ополчение изгнало поляков из столицы. Единство государства было восстановлено. Земский собор избрал на царство Михаила Романова (1613–1645 гг.).

II

Социально-политический кризис начала XVII в. привел к дальнейшему усилению абсолютистских тенденций. Хотя первый царь из династии Романовых был избран на престол Земским собором, именно при них произошло отмирание сословно-представительных учреждений. Постепенно перестали созываться Земские соборы, а к концу XVII в. прекращает свою деятельность Боярская дума.

Важнейшим атрибутом неограниченной монархической власти стал политический розыск. Если в XVI в. существовали лишь зачаточные формы розыска, то в XVII в. окончательно складывается его практика и возникают постоянные органы.

Земский собор 1649 г. принял Уложение, в котором государственные преступления впервые отделялись от уголовных. Круг этих преступлений был очерчен второй главой Уложения. Наиболее серьезными преступлениями считались покушение на жизнь царя и заговор с целью «Московским государством завладеть и государем быть». Как государственные преступники карались те, кто «недругу город сдаст изменою» или «в города примет из иных государств зарубежных людей для измены же». За массовые выступления против власти, так называемый «скоп и заговор», безоговорочно назначалась смертная казнь. Соборное уложение вводило принцип индивидуальной ответственности, что являлось шагом вперед по

сравнению с временами Ивана Грозного. С другой стороны, Уложение унаследовало нормы средневекового права, в частности не проводило разницы между умыслом и деянием.

Оскорбление царя или угрозы в его адрес стояли в ряду тягчайших преступлений. Это было особенно важно для Московского государства после Смутного времени, когда царский титул присваивали самозванцы. К тому же недавние бояре Романовы ревниво относились к новообретенному царскому престижу. Поэтому государственные преступления обозначались термином «слово и дело», что по своему первоначальному смыслу означало дело о словесном оскорблении царя.

Первые документы с употреблением этой печально знаменитой фразы датированы еще 1622 г. и касаются угрозы перерезать горло царю, опрометчиво вырвавшейся у одного казака. Вскоре «слово и дело» приобрело более широкое значение. По понятиям той эпохи все дела, касавшиеся государственных интересов, были «государевыми делами». Уложение 1649 г. предусматривало строгое наказание для тех, кто заявлял «слово и дело» без должных оснований. Вместе с тем не давалось точного определения этого термина.

«Слово и дело» печально известно тем, что с этого выражения начинался любой донос. Следует подчеркнуть огромное значение доносов для политического сыска. Ни законодательство, ни практика той эпохи не знали иного способа, позволявшего получить сведения о государственных преступлениях. Именно поэтому доносы, если так можно выразиться, культивировались государственной властью. Пожалуй, только в этой области Уложение 1649 г. не признавало сословных границ, подчеркивая, что доносы о важнейших государственных преступлениях можно принимать даже от крепостных крестьян и холопов. Ни в каких других случаях доносы от феодально-зависимого населения не принимались.

В политических делах наглядно прослеживалось стремление поставить государственные интересы выше родовых и семейных. Патриархальные порядки Московской Руси строились на безусловном подчинении детей родителям. Жалобы взрослых сыновей и дочерей на мать и отца не рассматривались, а самих челобитчиков отдавали во власть родителей. Однако Уложение 1649 г. делало исключение для доносов о государственных преступлениях. Причем Литовский статут, послуживший образцом для русского Уложения, оговаривал, что доносить может совершеннолетний сын, тогда как составители Уложения пошли дальше, предписав обязанность доноса для детей обоего пола без ограничения возраста.

Разрешалось принимать доносы у «тюремных сидельцев». Но по уголовным делам заключенный мог подать извет, если находился в тюрьме не более полугода. По политическим делам такого ограничения не предусматривалось. Более того, разрешалось принимать доносы у приговоренных к смертной казни. Так, Фрол Разин, выведенный к месту казни вместе со своим братом Степаном Разиным, вождем крестьянской войны 1670–1671 гг., сказал за собой «слово и дело». Казнь была отложена, а на допросе Фрол «поведал о том, что его брат, Степан, запрятал в засмоленный кувшин воровские письма» и закопал его «на острове реки Дону на урочище, на Прорве, под вербою». Эту вербу безуспешно искали шесть лет, после чего Фрол был казнен.

Для подданных Московского государства, или, выражаясь языком того времени, «холопов великого государя», донос был гражданской обязанностью. Недонесение каралось самым строгим образом. В Уложении 1649 г. говорилось, что если кто-нибудь узнает о злом умысле против царя или бунте, «а государю и его государевым боярам и ближним людям и в городах воеводам и приказным людям про то не известит... и его за то казнить смертию без всякой пощады». Наряду с угрозами действовала система поощрения. Дворянин или служилый человек мог получить в награду поместье осужденного. Например, в 1663 г. некий Сенька Пушечников за удачный донос на соседа получил половину его имения. Соседа сослали, но Пушечников не успокоился и послал новый донос. Однако на сей раз обвиненному удалось доказать, что Сенька просто позарился на другую половину поместья.

Вместе с тем ремесло доносчика было опасным. Чтобы доказать правильность своего сообщения, он должен был пройти через тяжкие испытания. Недаром сложилась поговорка: «Доносчику — первый кнут». Для сохранения тайны следствия его тотчас же брали, заключали в тюрьму. Если участников дела требовали в столицу, то обвинителя и обвиняемых везли «в железзах», порой скованных одной цепью. Когда расследование заходило в тупик, пребывание под стражей растягивалось на длительный срок.

Чрезвычайно опасно было попасть в разряд ложных доносчиков («затейных изветчиков», по терминологии того времени). «Слово и дело» имело волшебную силу. Стоило прозвучать этим словам, как все замирало. Для многих людей крикнуть «слово и дело» было единственным способом привлечь внимание к своим бедам. Поэтому после взятия под стражу зачастую выяснялось, что «слово и дело» кричали «избывая по-

бои», «без памяти», «хмельным обычаем». В этом случае затейного извetchика нещадно пороли и освобождали из тюрьмы, что вообще-то считалось довольно счастливым исходом. Со всем другой оборот принимали события, когда доносчик настаивал на своем сообщении и называл чьи-то имена. Подозреваемых немедленно арестовывали. Как правило, задерживали и всех свидетелей. Между прочим, если донос подтверждался, свидетели превращались в обвиняемых, так как, зная о государственном преступлении, не сообщили о нем сами.

Всеобщий страх перед «словом и делом» объяснялся тем, что эта формула была очень растяжимой. Под нее можно было подвести любой поступок. В случае нездоровья особы царской крови какого-нибудь постороннего человека могли привлечь к ответственности за ворожбу, как это случилось с некой Дашкой Ломановой, которая обвинялась в том, что съела пепел в след государыни, чем якобы вызвала ее болезнь, а также смерть царевича Ивана.

Широкий простор для произвола открывался в делах о «государевой чести». Во всех торжественных случаях следовало упоминать о царе. Но при этом требовалась немалая сноровка, чтобы самые невинные замечания не были восприняты как «неистовые» или «непригожие» речи. Казалось бы, в чем мог провиниться стрелец Ивашка Хлоповский, который поднял чашу за своего сотника со словами: «Здоров бы был Микита Дмитриевич Воробьин да государь»? Тем не менее он был нещадно бит кнутом за то, что упомянул царя после сотника. Через два года нещадно били батогами и бросили в тюрьму стрельца Томилку Белого, неосторожно похваставшегося, что он взял лошадь и ехал на ней, словно великий князь.

Наказывали также за описку в царском титуле. Если же подьячий пропускал один из полусотни географических терминов в полном титуле, то задачей розыска было выяснить, не сделано ли это по наущению какого-нибудь иностранного монарха, претендующего на спорные земли. В 1645 г. специально расследовалось курьезное дело. Сын боярский Назар Глазов подал челобитную, в которой как раз под именем царя были вписаны матерные ругательства. Выяснилось, что он по неграмотности спутал челобитную с черновиком, на котором его младший брат пробовал перо. Подобные эпизоды неоднократно воспроизводились в исторической литературе.

Розыск начинался с того, что обвиняемому зачитывались показания доносчика. Если обвиняемый заявлял, что на него возвели напраслину, то его «брали к пытке». Этот обряд устрашения заключался в том, что обвиняемому показывали инст-

рументы палачей, раздевали его, клали руки в хомуты, а ноги в колодки. Иногда этот психологический прием срабатывал, и в «расспросных речах» появлялись признания. Но в глазах руководителей розыска более достоверными выглядели признания, вырванные под пыткой и записанные в «пыточных речах».

В Московском государстве пытки были менее изощренными, чем в средневековой Европе или на Востоке. Тем не менее российские застенки обогатили мировую практику двумя чисто национальными орудиями пытки: дыбой и кнутом. Дыба представляла собой сооружение из двух вертикально вкопанных столбов с перекладиной наверху. Палачи заводили руки жертвы за спину, связывали их длинной веревкой и тянули через перекладину. Связанные руки выходили из суставов, и человек повисал на дыбе. В таком положении ему наносили удары кнутом. Пыточный кнут предположительно походил на увеличенную в размерах плетть. Судя по свидетельствам очевидцев, палачи были настоящими виртуозами своего дела: «Они могут класть удар к удару ровно, как бы размеряя их циркулем или линейкой. Сила ударов такова, что каждый пробивает кожу, и кровь льется ручьем; кожа отставала кусками вместе с мясом». Бытовало убеждение, что опытный палач может одним ударом кнута убить человека. Если это справедливо, то на дыбе часто били вполсилы, так как обычная норма составляла 10–15 ударов.

Снятых с дыбы (чаще всего в бесчувственном состоянии) отдавали тюремным служителям с наказом тщательно оберегать их здоровье. Помимо дыбы и кнута в запасе у палачей были другие орудия.

Сохранился «Обряд како обвиненный пытается» — наставление по ведению розыска. После дыбы и кнута рекомендовалось использовать следующее: «1-е, тиски, зделанные из желеса в трех полосах с винтами, в которые кладутся злодея персты сверху большие два из рук, а внизу ножные два; и свинчиваются от палача до тех пор, пока или повинится, или не можно будет больше жать перстов и винт не будет действовать. 2-е, наложа на голову веревку и просунув кляп и вертят так, что оной изумленным бывает; потом простригают на голове волосы до тела, и на то место льют холодную воду только что почти по капле, от чего также в изумление приходит». Кроме этого, палач «висячего на дыбе растянет и зажегши веник с огнем водит по спине, на что употребляется веников три или болше, смотря по обстоятельству пытаного».

Согласно неписаному обычаю, каждый, кто после трех пыток показал одно и то же, освобождался от дальнейших му-

чений. От тех, кто менял свои показания во время розыска, палачи не отступали до тех пор, пока их признания не совпадали с доносом вплоть до мельчайших подробностей. Требовалось, чтобы эти признания слово в слово повторялись на трех последних пытках. Если обвиняемый в чем-то сбивался, весь цикл мучений возобновлялся. Не существовало никаких ограничений по возрасту обвиняемых. Так, 80-летний настоятель монастыря Федорит был «пытан накрепко... и клещами ежен по спине и не единожды».

В XVII в. местные власти принимали активное участие в розыске. Вместе с тем за каждым политическим делом бдительно следили из столицы. Круг должностных лиц, допускавшихся к «государевым делам», был ограничен. Например, губные старосты из местных дворян имели широкие полномочия по борьбе с разбоем, но не смели касаться государственных преступлений. Только назначенные царем воеводы могли вести допросы по политическим делам. Выборные должностные лица привлекались лишь в исключительных случаях. Политический розыск считался одной из важнейших обязанностей воевод. Пренебрежение к этой обязанности не прощалось никому.

В 1630 г. псковского воеводу князя Д.М. Пожарского, героя освободительной борьбы против поляков и соперника Михаила Романова при избрании на царский трон, судили за то, что он отмахнулся от доносчика со «словом и делом». По ходу розыска воеводы сообщали в Москву о каждом своем шаге. Обычно воевода, приняв донос и распорядившись взять всех причастных под стражу, запрашивал столицу. Через некоторое время приходил указ, предписывавший, например, «пытать накрепко» всех подозреваемых. Результаты допросов — «расспросные» и «пыточные» речи — посылались в Москву, откуда направлялся следующий указ. Наконец, эта переписка завершалась присланным из Москвы приговором, который воевода приводил в исполнение.

Промежуточное положение между местными властями и центральными органами сыска занимали временные следственные комиссии. Впрочем, их можно считать полномочными представителями центральных органов, направленными непосредственно на место происшествия. Комиссии наподобие той, что была создана для расследования обстоятельств гибели царевича Дмитрия, вошли в практику при любой чрезвычайной ситуации.

Они создавались вплоть до XX в., а в XVII–XVIII вв. такие комиссии являлись частью карательных экспедиций против

народных выступлений. Так, окончательная ликвидация казачьего и крестьянского движения Степана Разина была возложена на князя Ю.А. Долгорукова. В его походной ставке близ Арзамаса вели розыск, выносили и приводили в исполнение приговоры. По описанию английского путешественника, «место сие являло зрелище ужасное и напоминало преддверие ада. Вокруг были возведены виселицы, а на каждой висело человек по 40, а то и по 50. В другом месте валялись в крови обезглавленные тела. Тут и там торчали колы с посаженными на них мятежниками, из которых немалое число было живо и на третий день, и еще слышны были их стоны. За три месяца по суду, после расспроса свидетелей, палачи предали смерти одиннадцать тысяч человек».

Следует отметить, что до конца XVII в. в Москве не существовало центрального органа, занимавшегося исключительно государственными преступлениями. Наиболее важные дела рассматривались Боярской думой. В большинстве случаев приговор выносился заочно, хотя иногда преступников допрашивали перед боярами. В исторической литературе отмечалось, что порой розыск велся со скоростью полевого суда. В 1674 г. в Москву доставили одного самозванца, и «указал великий государь вести его с товарищами на земский двор к боярам для расспросу и им пытать их всякими жестокими пытки, а что они, воры, станут сказывать, и их расспросные и пыточные речи указал государь прислать к себе, государю, с боярином Матвеевым, а им, боярам, ждать, покамест от великого государя указ будет; и бояре расспрашивали, пытали и с расспросными речами послали к великому государю боярина Артамона Сергеевича, а сами дожидались указа великого государя на земском дворе; и как приехал боярин Артамон Сергеевич, и бояре, по указу великого государя, велели того вора вершить, четвертовать на Красной площади».

Однако чаще всего занимались государственными преступлениями московские приказы. Приказная система начала складываться с XVI в., а в середине XVII в. насчитывалось до 80 приказов. Во главе этих учреждений стояли бояре или думные дворяне, назначаемые в соответствии с местническими порядками. Но все нити управления находились в руках дьяков из потомственных служащих или из способных выходцев из низших сословий. Каждый приказ наряду со своими основными функциями занимался множеством побочных дел, в число которых попадал и политический розыск. Так, Приказ Казанского дворца занимался розыском на подвластной ему территории Поволжья. Но если среди причастных к делу оказыва-